

Анна и Татьяна Аксинины

Прощеное воскресенье

Детективный роман

18+

Анна Аксикина

Прощеное воскресенье

«Автор»

2007

Аксинина А.

Прощеное воскресенье / А. Аксинина — «Автор», 2007

Марина Белых - молодая мама, оставившая на время работу журналиста, - совсем не хотела ехать в гости в Новосибирск. Но в настойчивой просьбе родственников скрывалась некая тайна. А тайны раскрывать - это любимое занятие Марины. Даже если что-то случилось 30 лет назад, следы все равно найти можно. Так считает Марина и находит ключ к загадке.

© Аксинина А., 2007

© Автор, 2007

Анна Аксинина, Татьяна Аксинина

Прощеное воскресенье

Ранним февральским утром Михаил Иванович спешил на работу. Настроение было самое прескверное. Вечером он поругался с женой. И что прикопалась, ведьма? Что этим бабам надо? Он не пьет, не курит, зарплату приносит всю до копейки, и по дому старается. Гвоздь ли забить, полочку навесить – все сделает. Приятель попросил задержаться на работе, подежурить за него часа три. Как он мог отказать. Каторжный он что ли или пришитый к ней? Подумаешь, пообещал жене к сестре ее съездить! Была бы там сестра нормальная, а то кобра натуральная. Как ее мужик только терпит! Сестра, видите ли, годовщину свадьбы вздумала справлять. Тьфу! Загрызла своего мужа – а туда же. Ему с женой, можно сказать, повезло. Как и не сестры они с той коброй. Бывает, конечно, все мы не без недостатков. Вчера, честно говоря, он совсем забыл про поездку. Отродясь приятель не просил о подмене, а тут попросил. Позвонил на работу, что придет попозже на смену. Опоздал сменщик больше, чем на три часа, но Михаил Иванович не укорял, словечка плохого не сказал. Вид уж больно встревоженный у сменщика был. Вчера даже словом не перекинулись, не стал приятель сам ничего рассказывать, а Михаил Иванович в душу не полез. А потом всю ночь ворочался, спал плохо, беспокоился. Сегодня встал пораньше и побежал на работу, даже не позавтракал.

Погодка стоит еще та. С этим глобальным потеплением всю душу вымотали. Виданное ли дело: плюсовая температура в феврале стоит. Солнца уже второй месяц не видели. Серые дни извели промозглой сыростью и ветрами. Давление скачет, и суставы ноют.

Михаил Иванович шустро семенил по мокрой снежной каше, покрывавшей тротуар. Работа ему нравилась, не пыльная, не тяжелая. Сиди себе, да присматривай за всем. Тем более что видеокамер понаставили во всех залах. Когда осенью ему предложили поменять работу на более денежную, Михаил Иванович отказался. И правильно сделал. Что менять «шило на мыло», если он живет рядом с типографией, на дорогу не надо тратиться. А вот Степаныч ушел на новую работу в другую типографию. И что из этого вышло? Обещали горы золотые, а проработал Степаныч три месяца – и уволили, сказали, что испытательный срок не выдержал. Какой такой испытательный срок у вахтера! Хозяева что-то мудруют меж собой, а им, работягам, отдувайся. Как говорят: «Паны дерутся, а у холопов чубы трещат». Тогда, кроме Степаныча, два печатника и техник перешли в новую типографию. Про тех перебежчиков он не знает, а Степаныч прибегал, назад просился. Не взяли, и правильно сделали: место занято. Не выгонять же нового человека, тем более что старательный по работе оказался и человек хороший. Не иначе Бог послал его к ним в типографию, чтобы помочь Михаилу Ивановичу.

Начальство новшество ввело: компьютер, чтоб ему неладно было. Теперь на компьютере надо отмечать расход материалов и краски со склада. В будние дни кладовщик этой работой занимался, а по выходным – вахтер. Раньше откроешь себе склад утром, вечером закроешь и вся работа. Запишешь на листочке, что ребята брали, и никаких хлопот. Компьютера Михаил Иванович как огня боялся. Виданное ли дело в шестьдесят лет незнакомое диво осваивать! Как пить дать, уволился бы, если бы не новый вахтер, Павел Викторович. Он научил, как обращаться к этой технике, специально после смены оставался и учил. Слава Богу, теперь Михаил Иванович и не только материалы отмечал, но и даже в картишки с компьютером мог перекинуться.

В прошлый раз Михаил Иванович запутался немного с учетом. Он не расстраивался, сводить все равно в конце месяца будут, а Павел Викторович поможет исправить его огрехи. Умный он человек, с образованием, не понятно, почему в вахтеры пошел. Михаил Иванович нес в сумочке пирожки, пакет мятных пряников и пачку хорошего чая. Вот сейчас они с приятелем исправят все ошибки в компьютере, чаю крепкого попьют. За чашкой чая Михаил Ива-

нович расспросит приятеля, что за беда у того приключилась. Может, вместе и разведут: «Ум хорошо, а два лучше». И время еще останется до начала работы любимый пасьянс «Паук» разложить.

Свет в залах не горел. «Работы мало было, ребята допечатали и ушли», – отметил Михаил Иванович, подходя к типографии. Вот и славно, никто им не помешает, посидеть и поговорить. Михаил Иванович своими ключами открыл дверь и осмотрел помещение. В коридоре горел свет, все двери были заперты, компьютер включен. Он подергал все двери, прошел в подсобку, которая никогда не запиралась. Павла Викторовича не было нигде. Он встревожился, проверил сигнализацию: полный порядок. Сумка Павла Викторовича висела на стуле, раскрытая книга на столе лежала, тут же стоял чайный бокал с недопитым чаем и блюдечко с печеньем, а куртки на вешалке не было. Бокал был его, тот самый, приметный, в синих бабочках. Все вахтеры свои кружки-ложки в шкафчике оставляли. Кто возьмет чужое? А Павел Викторович свою посуду каждый раз из дома приносил и уносил. Аккуратно вытирал и в коробочку складывал, чтоб, значит, не разбить по дороге. Михаил Иванович подшутил как-то над приятелем, не надоело ли ему туда-сюда таскать лишнюю тяжесть? А тот ему в ответ, дорог, мол, подарок от приятного ему человека, а я же в двух местах работаю, и там тоже чай пью. Бокал был на месте. Похоже, выскочил приятель куда-то на минуту? Не положено вахтеру отлучаться с работы, но Михаил Иванович начальству не скажет. Хотя, мог ведь друг позвонить ему домой, предупредить. Неужели бы он не пришел даже ночью подменить.

Тревога не отпускала его. Какая-то крупная неприятность случилась у Павла Викторовича. Вчера вечером на нем, как говорится, лица не было. Михаил Иванович в нетерпении поглядывал на дверь. Застучали на крыльце, ногами сбивая снег. Михаил Иванович бросился к двери. Но это оказался не Павел Викторович, а кладовщик. Михаил Иванович взглянул на часы, было ровно девять утра. Дневная смена запаздывала. Видно, ночники предупредили ребят, что работы нет. Теперь раньше, чем к десяти не заявятся, охламоны. Могли бы вовремя явиться на работу. И что с того, что заказа пока нет? Принтера бы свои включили, профилактику какую-никакую сделали. Молодежь пошла – лишнего не переработают. А заказ новый в десять привезут, не раньше. Кладовщик вольготно расположился в кресле. Ему что, «солдат спит, а служба идет».

Михаил Иванович не знал, что делать. С одной стороны не хотелось зря шум поднимать, вдруг навредит приятелю? А с другой стороны, может, Павлу Викторовичу помощь нужна? «Придет начальник смены, с ним посоветуюсь», – успокаивал себя Михаил Иванович. Когда раздался истошный крик кладовщика, он, еще ничего не видя и не зная, понял: пришла беда.

Марина наклонилась к детской кроватке. Сашенька, раскинув ручки, сладко спал. Марина накрыла сына одеяльцем. Всю ночь покуролесил безобразник, не дал своей маме отдохнуть, а сейчас спит, как ни в чем, ни бывало, просто ангелочек без крылышек. Сашеньке шел второй месяц. Марина не понимала, как она могла раньше жить без Сашеньки, как вообще живут люди без детей. Конечно, тяжело иногда приходится, но она ни разу не пожалела, что стала матерью. Поспать бы самой немного, пока сынишка спит, но сон не шел. Марина прилегла на край дивана, продолжая любоваться спящим ребенком. Вот он слегка нахмурил бровки, вот улыбнулся. «Поразительно! Такая кроха видит сны, совсем как взрослые люди. И у него свои переживания, радости и огорчения. Хоть и маленький, а такой же человек, как мы. Саша, Сашенька, солнышко мое!»

Марина вспомнила, как за месяц до родов споры об имени грозили перейти в скандал. Марина категорически не соглашалась на предложенное Андреем имя – «Владимир».

– Подумай, какое замечательное имя – «Владеющий миром». А сколько было великих людей с этим именем, русских князей и более поздних правителей.

– Да, конечно. А сколько было анекдотов про Вовочку, помнишь?

- Но он у нас не будет Вовочкой! Владимир – и все. Можно – Влад.
- Правильно, Вовочкой он не будет. Потому что не будет Владимиром. Это имя – не для нашего сына. Подумай, какие бы у него были инициалы: Краснов В.А. Его же с Виктором Александровичем могли бы перепутать.
- Верно, я про инициалы не подумал.
- Так что буква «В» вообще не обсуждается.
- Жаль. А как тебе Тимофей? Тимофей Краснов – артистично, не избито.
- Нет, как-то не звучит с отчеством – Тимофей Андреевич. Много гласных, не на что опереться. А то бы я сразу предложила – Николай. Но к такому отчеству лучше твердое окончание: Прохор, Виктор.
- Ну, ты придумала. «Прохор Андреевич Краснов» – рычит, как тигр, а Виктор – сама говорила...
- Да я так, к примеру. Мне Проша даже и не нравится. Тимоша был бы лучше. Или Саша. Марина вдруг замолчала, погрузившись вглубь себя, где толкнулся уже немаленький ребенок.
- Андрей, он нас услышал. И отозвался на Сашу. Вот, положи руку сюда. Андрей с готовностью подсел поближе и положил руку на живот жены.
- Позови его.
- Саша! – нет реакции.
- Александр Андреевич! – бурное колыхание живота и толчки в разные стороны. Марина и Андрей расхохотались.
- А что? Шутки – шутками, а Александр Андреевич – звучит.
- К тому же – литературное имя. Чацкий у Грибоедова.
- Ну вот, а я уж думал, что в честь дедушки назовем, мой папа – Александрович. Будет родовое имя, как и у меня.
- Ничего, хоть в честь дедушки, хоть в честь Чацкого, – имя не меняется. Кстати, разве тебя бабушка не в честь Андрея Болконского назвала?
- Это моя гипотеза. А сама она ничего такого не говорила.
- Это – при дедушке. А сейчас, наверное, уже создалась бы, если, конечно, еще помнит. Кстати, с какой круглой датой ты поздравлял Аду Сергеевну в последний раз?
- С десятилетием свадьбы, в 2002 году. Она вторично вышла замуж в 92-м году, а я получил квартиру и свободу. Такие события не забываются. Нам сказочно повезло, что она с мужем уехала в Австралию, иначе замучила бы визитами и полезными советами.
- Смотри, сглазишь, прилетит погостить, правнука повоспитывать.
- Нет, не думаю. Ее нынешняя семья уже не приедет в Россию: ее муж пишет книги про акул. Он раньше был известным советским ихтиологом. У его внуки – туристский бизнес на островах. А бабушке сейчас почти семьдесят. Вредно менять климат. Она всегда заботилась о своем здоровье, ни одного дня не работала. Как только дедушка умер – нашла другого кормильца. Я, конечно, ей благодарен за заботу, но зачем было меня от моего отца изолировать? Я только, став взрослым, понял, что он, в общем-то, неплохой мужик, а не какой-то монстр.

- Когда на семейном вечере у родителей Марины, отец – Николай Николаевич Белых, – поинтересовался, не придумали ли имя для внука, Марина с большим юмором рассказала о недавних спорах.
- Значит, Александр? Ну, и хорошо, – одобрила мама, Елена Алексеевна. Переводится – «защитник слабых». И звучит для нас как-то привычнее, чем всякие Серафимы и Никодимы.
- Александрович, Александровна, – попробовал на слух Николай Николаевич и удовлетворенно кивнул.

Марину поразило, что папа уже думает об отчестве, представляет еще не рожденного малыша – отцом.

– А ты, Машенька, надумала, как назвать сына? – поинтересовалась Елена Алексеевна у младшей дочери.

Чета Ярославских не вела никаких дискуссий на эту тему. Олег сразу предоставил Маше полную свободу в выборе имени.

– Ты его вынашиваешь, ты его лучше ощущаешь. А мне все равно. Я согласен с тобой заранее.

На вопрос мамы Маша покачала головой.

– Еще не решила. Вдруг ультразвук ошибся, и это девочка. Вот, когда его увижу, то как-то назову. Но, думаю, что не Серафим, – улыбнулась она.

– И не Серафима? – на всякий случай уточнила Марина.

– Нет. Мне кажется, что в женском имени не должно быть твердых звуков «р».

Предстоящие роды часто были предметом обсуждения. По срокам, которые определили в консультации, Марина должна была родить всего на недельку другую раньше Маши. Мама уже договорилась с роддомом №17, в котором по ее сведениям были самые сильные врачи на текущий момент. Сейчас Елена Алексеевна рассказала поразительную историю.

– Я по телевизору видела, что на одном участке железной дороги, женщины регулярно рожали в паровозе. И роды несколько раз принимали машинисты или помощники машиниста.

– Это что, такой вид помешательства? – удивилась Марина. – Местная заразная болезнь? Зачем они на паровозе катались в таком положении?

– Нет, там все дело происходило на границе двух областей. Из нескольких населенных пунктов было легче доехать до роддома на паровозе в соседнюю область, чем трястись на «скорой» до своей областной больницы. Как раз, если роды внезапно начинались, женщины бежали на железную дорогу и просились в товарняк. А машинисты – не звери, брали пассажиров, хоть это и запрещено. Иногда кто-то сопровождал их, иногда – нет. Некоторые успевали доехать до роддома, а некоторые – нет. Вот мужики и выступали акушерами, но помалкивали, чтобы начальство шею не намылило. А одна такая принятая машинистом девушка, когда ей 16 лет исполнилось, захотела найти своего «крестного отца». Она обратилась в передачу «Жди меня». Так нашлось целых два кандидата, которые в том месяце детей принимали.

– И как их различили?

– По примете: у роженицы с собой даже пеленки не было, машинист ребенка в свою рубашку завернул. Вот такая история. Марина, ты не догадываешься, к чему я ее рассказала?

– Наверное, по ассоциации со статьей в последнем номере нашего журнала? Из рубрики «Поделись улыбкою своей». Идея та же: никогда не поздно сказать хорошему человеку «спасибо».

– Нет, Марина, твой вывод неправильный. Я эту историю вспомнила, чтобы ты согласилась лечь в роддом заранее, хотя бы за неделю. Конечно, роды – естественный процесс, и женщины рожали на поле, но лучше все же под присмотром опытного врача.

– Но ведь за неделю до срока как раз будет Новый год! Вы все тут соберетесь, а я одна – в больнице? К тому же, я Ульяну пригласила в гости первого числа.

– Еще не поздно извиниться.

– Но я успею лечь второго, а лучше даже четвертого. У меня срок – седьмого, я хочу, хоть и без помпы, отметить третьего января свой день рождения и годовщину свадьбы.

– Ну, ты даешь, Маринка! – возмутился Николай Николаевич. – То тебе надо Новый год встречать, то день рождения праздновать. Вспомни еще Рождество, старый Новый год, масленицу, прощенное воскресенье. Может, ты попросишь бедного ребенка потерпеть до лета?

– Нет, я с ним договарюсь, чтобы подождал только до четвертого числа. Рождеством я готова пожертвовать.

– Марина, ты не понимаешь, – вмешалась Маша, – в этом деле абсолютной точности не может быть. Плюс-минус две недели – вполне нормально. Поэтому беременным советуют весь последний месяц быть в состоянии готовности, даже документы всегда иметь при себе.

– Ну-ка, покажи мне свою обменную карту, – недоверчиво потребовала Марина.

Но Маша с милой улыбкой тут же вынула из сумочки маленький пакетик с документами.

– Ладно, убедила, завтра же положу все в сумку и повешу на дверную ручку, чтобы не забывать при выходе из дома.

Все вышло не совсем так, как предполагалось. Маша родила пятого января, на две недели раньше срока, а Марина, которая, не смотря на давление родителей, легла в роддом восьмого числа, прождала родов целых пять дней. Старый Новый год, 13 января 2005 года, стал днем рождения Александра Андреевича Краснова. Маша к этому времени уже выписалась и объявила, что хочет назвать сына Виктором.

Бабушка Андрея из Австралии не приехала, ограничилась поздравлением. Зато Елена Алексеевна взяла отпуск, который специально отложила для этого случая, и навещала обеих дочерей каждый день. Она авторитетно заявила, что оба внука похожи на своих отцов.

– Ну, ничего нашего нет. У Витюши волосы явно будут, как у Олега, уже сейчас видно. А Саша – вообще лысый. Ты, когда родилась, была такая хорошенькая, волосики темные, почти черные, реснички, бровки. Я тебя сразу в дверях палаты по «прическе» узнавала, когда приносили кормить. А у Саши головка – как бильярдный шар. Но ты не расстраивайся, волосы потом отрастут. Машенька тоже была почти безволосая, один пух. Но ты, конечно, не помнишь.

Марине, которая была старше Маши всего на полтора года, в детстве казалось, что Маша была всегда. Но она хорошо запомнила фото годовалой девочки со слабеньким белым пушком, лежавшее в старой резной шкатулке в спальне родителей. Она, как и мама, допускала мысль, что Саша может оказаться похожим на свою тетю Машу – платиновую блондинку с карими глазами.

Детей зарегистрировали в один день, первого февраля, и по этому случаю в ближайшую субботу устроили праздник в узком семейном кругу. Погода была не очень холодная, пять градусов ниже нуля, но Марина настояла собраться в их квартире, так как Сашенька – самый младший из детей. Вот пусть он будет дома, а остальные приедут к нему: родители, Ярославские с наследником и Краснов-старший с Юлей и Наташей. Марина пересчитала своих гостей и ахнула: всех вместе получилось восемь человек. Да еще трое хозяев, итого – одиннадцать человек одних только близких родственников. Пригодился столовый сервиз на двенадцать персон, забытый в недрах шкафа со времени свадьбы. «А если бы приехала пара друзей-подруг или Галина Леонидовна с внуком, то даже сесть было бы негде». Стол накрыли кооперативно: Андрей купил пару цыплят-гриль, рыбную и мясную нарезку, Марина сделала картофельное пюре на гарнир и польский соус, Маша с Олегом привезли готовые салаты, мама с папой – фрукты и сок. Вина решили не брать, все равно кормящим мамам нельзя, а папа не пьет из принципа. Но Виктор Александрович, не охваченный складчиной, по собственной инициативе привез какое-то красное швейцарское виноградное вино.

Николай Николаевич, как обычно в присутствии богатого родственника, был неразговорчив и скован. А Елена Алексеевна, взволнованная своим новым положением «дважды бабушки», без малейшей неловкости общалась со своим сватом. Они выпили за здоровье внуков и детей. Потом у них завязался увлекательный разговор о Наташе, ставшей тетей в свои четыре месяца, и Елена Алексеевна дала Виктору Александровичу несколько полезных советов из опыта детского врача.

Наташа, в отличие от виновников торжества, не спала, а сидела за столом на коленях у Юли. Марина поразилась, какой большой вдруг стала в ее глазах эта кроха, выросшая от сравнения с новорожденными Витей и Сашей.

– Она уже ест фруктовое пюре, совсем взрослая, – восхитилась Маша.

– Она уже сидит, – отметила Марина.

Сестры переглянулись понимающе. Теперь все, что рассказывала Юля о дочке, воспринималась ими как откровение. Маша, конечно, как дипломированный детский врач, была хорошо подкована теоретически, но Юля делилась практическим опытом. Молодые мамы сели рядышком и, попивая свежавыжатый яблочный сок, завели сугубо материнский разговор.

Щелчок фотоаппарата вернул их к окружающей действительности. Олег Ярославский запечатлел их посиделки. Он не мог пропустить такое зрелище: сидят в ряд три очаровательные молодые женщины, красивые каждая по-своему. Юля – стройная до худобы, красивая зеленоглазая брюнетка, очень модно и дорого одетая, тщательно причесанная, аккуратно подкрашенная. Маша – располневшая после родов, но вполне приятная, платиновая блондинка с темно-кариими глазами, совсем не накрашенная, но в новом красном костюме. И Марина – средняя между ними по росту и комплекции, светло-карие глаза, каштановые волосы (впереди – модная косая челка, сзади – длинные), в специальном платье для кормящих мам, заказанном по Интернету. Тут все спохватились, что надо сфотографироваться с малышами. Но малыши тоже спохватились. Хотя Маша кормила «по часам», а Марина «по требованию», Витя и Саша проснулись и подали голос почти одновременно. Маша и Марина удалились в спальню и, сидя рядышком на диване, стали кормить детей. Они не виделись последнее время, общаясь исключительно по телефону. Сейчас они не могли наглядеться друг на друга и на детей, распеленатых на время кормления.

– Маша, а ты чудесно выглядишь.

– И ты, Марина. У тебя даже пятна пигментные сошли. И волосы скоро до пояса будут. А этот кулончик – тот самый, подарок свекра на рождение Саши?

– Да. А к нему еще есть серьги, браслет и перстень. Я ему заранее намекнула, что предпочитаю серебро, а не золото. Так он решил компенсировать количеством. А какой огромный букет в роддом прислал!

– Он и мне прислал розы, даже неудобно как-то было.

– Ничего неудобного, вы же фактически дружите домами. И с Олегом у него – общий бизнес. Он, наверное, думает, что вы в честь него сына назвали.

– Нет, это случайно совпало. Мне нравится, что «Виктор» означает «победитель». И уменьшительное имя – Витя, Витюша.

– Я смотрю, что Витя точно похож на Олега.

– Да, и Олег страшно этим гордится. А Саша на кого похож? Никак понять не могу.

– Еще не ясно. Отрастут волосы, определится цвет глаз – тогда будет видно. Маша, давай как-то будем чаще видеться, хорошо?

– Давай. Мама приглашает нас приезжать, как раньше, в гости, теперь – вместе с детьми. Папа летом сделал две разборные кровати. Мы можем встречаться там днем и даже ночевать иногда. Тебе вообще почти ехать не надо.

– Да, три остановки маршруткой. А коляска-то не входит! Впрочем, можно и не брать коляску, а только сумку-люльку. Точно не обещаю, но давай созвонимся.

Съемки с детьми велись без вспышки, чтобы не вредить зрению малышей, и в быстром темпе, так как Виктор Александрович Краснов был в цейтноте. Тем не менее, он умудрился сняться один с двумя мальчиками на руках. Передавая малышей их родителям, он так умильно попросил разрешения считать своего тезку и дальнего родственника тоже внуком, что Олег моментально согласился.

– О чем разговор! – Жизнерадостно воскликнул он, успевая строить из детей и взрослых композиции и шелкать их в разных сочетаниях. – Наш Витя Вам и так не слишком дальний родственник: «сын сестры жены сына». Всего-то цепочка из четырех элементов.

Марина не утерпела и тут же составила цепочку короче:

– «Сын свояченицы сына». Олег встань рядом с Машей, я хочу отдельно ваше семейное фото сделать.

Она сделала пару кадров, немного подумала и выдала два предельно коротких определения:

– «Племянник снохи» и «внук сватов».

– Спасибо, Марина! Это я легко запомню, – Виктор Александрович дружески улыбнулся Марине. – Здорово! Внук сватов – мой внук.

– Прекрасно! – поддержала Юлия Грибова. – Значит, у нашей Наташи – два племянника. Давайте еще встанем так, чтобы все дети были рядом в центре, – и мы уходим.

«Как держится, – подумала Марина. – Если ее и не устраивает положение гражданской жены, то она этого никак не показывает».

Сытые дети позировали хорошо, но вскоре глаза у них закрылись, и оба заснули крепким сном здоровых людей.

После ухода Краснова и Юли все ненадолго присели к столу выпить чаю. Марина с грустью поглядывала на роскошные коробки шоколадных конфет, привезенных Красновым. Ни кофе, ни шоколада, ни экзотических фруктов она себе не позволяла из-за кормления ребенка. «Ничего, это только на один год, зато не будет диатеза». В более тесном семейном кругу Николай Николаевич оживился и заговорил в полный голос. Он удивлялся, как Маша планирует выйти в марте на работу, если детский Центр расположен так далеко от ее дома. Оказалось, что Олег и Маша решили купить половину коттеджа рядом с домом Краснова. Там хороший воздух, есть охрана, а Краснов и Юлия обещали позаботиться о няне для малыша.

– А деньги откуда, – удивилась мама, – вы что, квартиру продаете? Не жалко тебе, Олежек?

Полногабаритная трехкомнатная квартира на Кутузовском проспекте досталась Олегу по наследству от отца-скульптора, и он очень ею дорожил.

– Нет, деньги мы частично накопили, остальное взяли в кредит в банке Виктора Александровича.

– А как со второй половиной коттеджа? У вас уже есть соседи? А вдруг попадутся неудачные?

– Нет, об этом я хотел поговорить сегодня. Андрей, Марина, неужели вы все еще не хотите иметь загородный дом?

– Хотеть-то мы хотим, да еще и вместе с вами, но у нас, как говорит почтальон Печкин, «средств нету», – шутливо ответила за двоих Марина и только потом посмотрела на Андрея.

Андрей напрягся, ему совсем не понравился этот скрытый упрек. «В конце концов, вовсе не так срочно надо приобретать новую полиграфическую технику. Да и непонятно, будет ли она окупаться. С заказами типография справляется, а расширение производства может оказаться в убыток».

– Если моя любимая жена желает жить за городом, я готов завтра же купить эти полдома, – подчеркнуто небрежно заявил он.

Марина изумилась, и начала вполголоса расспрашивать мужа, как, на какие деньги. Маша радостно заулыбалась. Мама всплеснула руками:

– Ну вот, а для кого же мы дачу покупали?

– Для себя, Леночка, для себя, – утешил ее папа.

– А я думала, для внуков. Теперь они к нам на дачу не приедут.

– Ой, что ты, мама! Конечно, приедут, – заверила Маша.

– Да, мама, не волнуйся, – подключилась и Марина, уже выяснившая, чем пожертвовал Андрей ради коттеджа. – Сто раз приедут, еще надо есть успеют.

Так появился у сестер Белых загородный дом. Виктор Александрович не был бы тем, кто он есть, если бы не сделал все по-своему. Он появился наутро после вселения Марины с

Андреем (Маша с Олегом успели заехать раньше), чтобы поздравить их с новосельем. Дорогу от своего дома до коттеджа он преодолел пешком, но машина уже ждала его за воротами. За его спиной с отрешенным видом возвышались охранники, братья Богдановы. Эти два «шкафа на ножках» были близнецами, абсолютно на одно лицо. Когда Марина видела их, стоящих симметрично за правым и левым плечами Краснова, они производили такое пугающее впечатление, что хотелось забиться под диван.

– Ну, что, вам здесь нравится? – спросил Виктор Александрович с радостной улыбкой и протянул два конверта: один – Андрею, другой – Олегу. В каждый была вложена фотография улыбающегося Краснова с двумя младенцами на руках. Одна была подписана «Марина и Андрей! Спасибо, что подарили мне счастье быть дедом!» На другой было написано: «Маша и Олег! Спасибо за возможность чувствовать себя дедом дважды!» Одинаковым было содержимое конвертов: квитанции банка о погашении ссуды.

Марина думала, что Андрей будет отказываться от такого дорогого подарка, как было уже не раз. И уломать его принять коттедж будет нелегко. Но Андрей повел себя необычно. Он пожал отцу руку и сказал:

– Спасибо, папа! Я тебя теперь понимаю. Надеюсь, я своему сыну тоже смогу подарить что-нибудь хорошее.

В этот раз пришлось уговаривать Ярославских. Виктор Александрович убедил Олега, что собирается извлечь выгоду, во-первых, из наличия в такой близости от своей дочери дипломированного детского врача, во-вторых, от присутствия программиста, который в свободное время, если захочет, сможет усовершенствовать общую для двух усадеб систему охранной сигнализации. Выдумал он эти аргументы сам, или ему помогли его психологи, но Олег принял их. А потом они вдвоем успокоили разволновавшуюся Машу.

«До чего здесь тихо и спокойно!» – думала Марина, лежа с закрытыми глазами. Она сегодня, как обычно, проснулась за пять минут до звонка будильника, без пяти шесть, тихо поднялась, набросила халат, взглянула на спящего ребенка и пошла на кухню. Она принципиально заставляла себя вставать утром и готовить мужу завтрак. «Поспать я и днем могу, а ему весь день работать надо». Обычно, Марина варила кашу: пшеничную, гречневую или овсяную. После тридцати Андрей стал жаловаться на желудок. Марина, не прибегая к помощи семейных докторов, прочла ему пространную лекцию о здоровой пище и начала воплощать теорию в жизнь. Запеканки вместо жаркого, тушеные овощи и мясо, рыба в фольге, паровые котлетки, зеленые щи и борщ без шкварок, ежедневная утренняя каша. Андрей сначала неохотно ел овсянку, но вскоре привык, почувствовал себя лучше и даже сочинил афоризм: «Колбаска – праздник языка, овсянка – праздник живота». «Чувствуется опыт руководства рекламным агентством», – похвалила Марина его слоган.

Накормив Андрея завтраком, Марина быстро убрала на кухне, стараясь не шуметь. На кухне перегородка была довольно тонкой, и они с Машей могли переговариваться, почти не повышая голос. Совершенно очевидно, что при разделе коттеджа на две половины, Краснов предполагал проживание в нем близких родственников. Сегодня на половине Ярославских было тихо, они еще не вставали. Марина завидовала сестре: Олег не каждый день ездил в Москву. Как и большинство программистов его фирмы, он много работал дома, широко пользуясь Интернетом и электронной почтой. А Андрей не мог бросить свое хлопотное хозяйство ни на день.

Казалось бы, Марине было некогда скучать с маленьким сыном на руках. Сначала она с ног сбивалась. Но постепенно освоила нехитрые обязанности по уходу за малышом: кормление, купание, гимнастика – и размеренная, словно текущая по кругу жизнь стала ей надоедать. Дни почти не отличались один от другого. Завтрак, обед, ужин, утром – зарядка, днем – прогулка, вечером – стирка. А уборка в непрерывном режиме. Круг общения Марины сократился до

минимума: ежедневно она виделась только с сестрой и Олегом, гуляла вместе с Юлей или ее мамой. Работать она пока не могла. Ее рубрику в журнале вела теперь Ира Савельева. Марина сама же и устроила университетскую подругу на свое место. Она не собиралась отбирать его и впоследствии, так как Ирине очень подошло писать статьи о хороших людях по письмам читателей. Только эта работа и могла бы быть «надомной» для Марины, а интервью и поездки вообще остались как будто в далеком прошлом.

Руки Марины были заняты, а вот ум скучал. Марине, деятельной по натуре, не хватало событий, впечатлений, разнообразия. Сашеньку она ощущала частью себя, он был ей бесконечно дорог и близок, но не мог заменить весь остальной мир. Ей хотелось от мужа получать больше внимания, но он часто приезжал такой усталый, что в конце ужина буквально клевал носом. Вместо обстоятельного разговора получался короткий обмен новостями почти в стиле СМС-сообщений. Марина тогда жалела, что не осталась жить в московской квартире, ведь время, потраченное на дорогу, оставалось бы для общения Андрея с женой и сыном. Но иногда Андрей приезжал пораньше, был разговорчив и весел, брал на руки сына, стоял с ним у окна, в которое заглядывали не балконы соседних домов, а зеленые еловые лапы с рыжими шишками. А в выходные они гуляли на своем участке среди елей и сосен, вдыхая запах хвои и чистого снега, ходили в гости к Ярославским или даже к Юле. После ужина смотрели новые фильмы на компакт-дисках, танцевали или беседовали. Тогда Марине казалось, что их коттедж – просто идеальное семейное гнездышко. Тишина, покой, свежий воздух, безопасность и комфорт.

Правда, комфорт был не совсем свой собственный. Охрана была общая с усадьбой Краснова, которая начиналась сразу за забором с восточной стороны. Участок у него был гораздо обширнее, но дом можно было увидеть со второго этажа. Виктор Александрович поделился и услугой: электрика или сантехника не приходилось вызывать черт-те откуда, в штате Краснова были нужные умельцы. Уборка территории и вывоз мусора, чистка подъездных путей, завоз продуктов на заказ, – на все это молодые владельцы коттеджа ничего не тратили. Можно было и не готовить. Повариха Ксюша, приглашенная Юлей, могла удовлетворить самый изыскательный вкус. Ей, казалась, ничего не стоило приготовить праздничный обед хоть на десять, хоть на двадцать персон. Надо было только предупредить ее заранее и согласовать меню.

Это было очень удобно, когда Марина и Андрей стали поочередно приглашать друзей посмотреть на Александра Андреевича Краснова, достигшего месячного возраста. Марина могла не волноваться, что Сашенька не даст ей потрудиться на кухне, или что припасы закончатся. Принесенные в судках и термосах блюда разогревались в микроволновке. А хорошо укутанные пироги были еще теплыми. Все гости сразу становились горячими поклонниками Ксюшиной кухни.

Первым их навестил Игорь Переделкин, друг Андрея с институтских времен, его правая рука в издательстве. Он острил:

– Дайте посмотреть ваше родовое имение. Надо бы и мне заявить свои права на Переделкино.

– А что, попробуй, обратись в суд, – подхватила шутку Марина. – Ни одна дача, конечно, тебе не обломится, но станешь личным врагом многих знаменитых людей.

– А отчет о твоих похождениях напечатаем в журнале под псевдонимом «Беспеределкин», – Андрей привычно прошелся по фамилии Игоря.

У друзей была с институтских времен такая игра – не называть фамилии. Ее затеял одноклассник по фамилии Шведов. Андрей у него был Черновым, Беловым, Цветным и так далее, Игорь – Самоделкиным, Неделкиным, Перестрелкиным. В свою очередь, Шведова превращали в Грекова, Варягова, Печенегова.

– Супруги Красных, – не полез за словом в карман Игорь, – кинулись терзать скромного гостя, забыв показать то, зачем он пришел. Короче, где ваш наследник?

На малыша Игорь смотрел с некоторым испугом: «Мы что, все такие маленькие были?» А в конце визита торжественно сказал Андрею: «Старик, теперь ты не умрешь».

Конечно, приезжала Галина Леонидовна Кострикова, бывшая учительница Марины и Маши, которую они несколько лет так регулярно посещали, что она стала фактически членом семьи. Хотя здоровье Галины Леонидовны после инсульта уже восстановилась, ее сопровождал внук Максим. Максим переехал жить к бабушке из Обнинска, так как поступил учиться сначала в лицей, а потом – в Московский государственный технический университет имени Баумана. У них нашлось много общих интересов, но не в пище. Бабушка готовила внуку мясные блюда только из полуфабрикатов, так как сама давно стала вегетарианкой. Она утверждала, что правильное питание, движение и работа на компьютере помогли ей избавиться от последствий инсульта.

Галина Леонидовна подарила Саше словарь В. Даля, нисколько не сомневаясь, что он, как и его мама, станет филологом. Она наизусть процитировала полюбившиеся ей фразы из школьных сочинений Марины. В семьдесят с лишним Галина Леонидовна поражала бодростью, задором, интересом к жизни. Ее последнее увлечение – поиск друзей юности через Интернет. Она рассказывала, кого и где ей удалось найти, чем они занимаются, предлагала Марине написать очерк или даже книгу о судьбе ее поколения. Марина обещала подумать. Максим, который не остался равнодушным к сочным Ксюшиным котлеткам, за разговором незаметно съел целое их блюдо.

Таня Носик, школьная подруга обеих сестер Белых, чья очередь настала в прошлую пятницу, от души порадовалась за подруг:

– Вы с Машей здесь живете, как у Христа за пазухой.

– Не совсем так. Скорее – под мышкой у Краснова, – возразила Марина.

– Ну и что? Он же вам не чужой, вот и заботится. Ты же ему такого чудного внука родила. Тьфу-тьфу, чтоб не сглазить! – Таня трижды поплевала через левое плечо, а потом еще и постучала по столу.

Марина и Маша с улыбкой переглянулись: Таня всегда была неисправимо суеверна. Они беседовали втроем, не считая спящих малышей. В этот раз Олег тоже был на работе.

– А как там Юля, она сейчас дома?

– Нет, поехала в свое модельное агентство. Дома только малышка с бабушкой и няней.

– Вы с ней, наверное, нечасто видите? Она же и актриса, и бизнес-вумен. Приходится вертеться как юла.

– Видимся не каждый день, больше по телефону перезваниваемся. Но Юля сейчас не снимается и в агентство ездит редко. Все время старательно изображает рьяную домохозяйку, да иногда с Виктором Александровичем в свет выходит.

– Она все еще не женила его на себе?

– Нет, это нереально. По-моему, она давно рукой махнула, чтобы не расстраиваться.

– Вот пень упертый! Я бы такого не стерпела!

– Поэтому он тебя и не выбрал.

Таня захохотала, сверкая красивыми белыми зубами.

– Ой, умила! Маринка, ну ты у нас как скажешь! Книги тебе надо писать, талант пропадает.

– Что ты! Некогда мне сейчас писать.

Марина не стала рассказывать, что понемногу пишет свою вторую книгу, чтобы не терять квалификации. Первый опыт ее оказался не очень удачным. Хотя ее книга под названием «Цветы на снегу», простояв в очереди почти год, все-таки вышла, но очень скромным тиражом, и сразу потерялась в море таких же «покот-буков» на дешевой бумаге с яркими обложками. Главный редактор был недоволен тем, с какой скоростью расходилась книга. Марина же считала, что «Московский детектив» не совсем та серия, в которой ей надо было издаваться. Она

купила и прочла пару книг из той же серии и поняла, что в ее «Цветах» слишком много лирики и слишком мало крови и трупов. Зато многие ее знакомые хвалили книгу именно за это.

Одним из поклонников творчества Марины выступил Виктор Александрович Краснов. Он, не мелочась, купил сразу пятьсот экземпляров. Сотню он разослал в дар школьным библиотекам своего избирательного округа со штампом «Клуб депутата Краснова – детям». А остальными книжками Виктор Александрович постепенно одаривал своих знакомых, полагая, что родство с писательницей повышает его рейтинг.

Не уверенная в коммерческом успехе, Марина все же начала работать над второй книгой. Она опять взяла за основу известную ей историю из жизни: о девушке, потерявшей память в аварии. Но дело не спорилось. Трудно было найти подряд несколько часов, чтобы можно было сосредоточиться на тексте. Даже ночью, если она садилась за ноутбук, больше часа поработать ни разу не удавалось: то Сашенька просыпался и капризничал, то Андрей убаюкивал ее поспать, чтобы молоко не пропало. Хорошо, что она не была связана ни с какими сроками. А если бы взялась за журнальную статью, то могла бы сорвать выпуск номера.

Марина считала, что ее работоспособность упала еще и из-за молока. Организму, настроенному на производства этого ценного питательного продукта, не оставалось сил на всякие там изыски. Зато Саша на мамином молоке рос как на дрожжах, за месяц прибавил в весе на целый килограмм и заметно обогнал своего двоюродного братца Витю. Упитанный малыш был весь в складочках. А Марина сильно похудела, только грудь оставалась большой. Подумать только, она жалела об отсутствии аппетита в первой половине беременности! Теперь она частенько чувствовала настоящий голод. Ночами ей снилась еда, до которой невозможно было добраться: буфеты, где нет продавца или большая очередь, витрины закрытых магазинов, рестораны, где все места заняты. Перед ночным кормлением в 2-3 часа Марина торопливо жевала заготовленный с вечера бутерброд с маслом и сыром, запивая сладким чаем с молоком. А к завтраку уже снова была голодна, как волк.

Марина заснула, и опять ей приснилась еда. Она видела перед собой накрытый к празднику обильный стол, сияющую Галину Леонидовну, торт с восемнадцатью свечами. «А, это же день рождения Максима». Торт был весь в завитушках из белого крема, а свечи высокие, почти до потолка. Максимка тянулся, чтобы их зажечь, а Марина кричала ему: «Не зажигай!». Максим ее не слушал, смеялся и тянулся вверх с факелом в руках. Факел задел за штору. Горящая портьера упала на Максима, а Галина Леонидовна все улыбалась, она не видела горящего внука. Марина пыталась кричать, но голоса не было, а руки и ноги не двигались, были словно ватные. Марина потянулась вперед и проснулась.

Она открыла глаза, автоматически глянула на часы. «Если и поспала, то всего полчаса, а уже кошмар приснился. Наверное, голова запрокинулась, надо встать, разминку сделать». Тихо зажужжал сотовый на тумбочке.

– Да, Андрюша?

– Марина, я сегодня задержусь, приеду позже обычного. Можете ужинать без меня.

Последнее замечание было данью вежливости: кормление грудью вынуждало Марину есть несколько раз в день в собственном режиме, только по выходным Андрей присоединялся к жене.

– Опять что-то случилось в нашей типографии?

– Да, я тебе дома расскажу.

«Ох, уж эта типография! Опять с ней неприятности». Весь день, ожидая приезда мужа, Марина невольно возвращалась мыслями к злополучной типографии, гадая, что случилось на этот раз.

Удивительным образом в жизни Андрея и Марины издательское дело играло роль фатума, судьбы.

Все началось с газеты. Марина еще училась в Университете, но уже писала статьи для факультетской газеты. Андрей, работавший экономистом в банке, затеял выпускать собственную газету и пригласил себе в компанию своего друга Игоря и программиста из банка Ульяну. Он искал журналиста с молодежной тематикой и нашел Марину Белову (ее первый псевдоним). Ему понравились ее статьи, а ей понравился его голос по телефону. Первая же встреча в скромном офисе редакции подарила им любовь.

Любовь – любовью, но сначала они только встречались. Потом стали жить вместе. А когда уже решили публично признаться в «любви до гробовой доски», то есть официально вступить в брак, то Виктор Александрович подарил Андрею журнал «Кредо». Тогда принять свадебный подарок отца его уговаривали все трое: Марина, Ульяна и Игорь. Уговорили, принял – и они все перешли в новое качество. Солидный журнал требовал больше сил и времени, но и отдача была выше. Андрей стал генеральным директором и главным редактором, свернув все прочие дела, оставил только свободную должность консультанта по экономическим вопросам. Марина стала не только его женой, но и дипломированным журналистом, начальником отдела. Игорь стал главным бухгалтером и менеджером, бросив работу в банке, который все равно доживал последние дни, да иногда делал балансы мелким фирмам. Ульяна, работавшая кроме банка в двух местах «мальчиком по вызову» – приходящим системным администратором, стала дизайнером компьютерной верстки.

И опять они сначала задумали расшириться. А когда (не без помощи Краснова – старшего) купили рекламное агентство с типографией, тут же созрели, чтобы завести ребенка. Сначала не ладилось ни с тем, ни с другим. Вернее, с рекламным агентством не было хлопот, а с типографией с самого начала все шло вкривь и вкось. И беременность сначала не наступала, а потом Марину стал донимать токсикоз. Марина с трудом справлялась со своим болезненным состоянием и не могла быть мужу полноценной помощницей. Андрей буквально разрывался между редакцией и типографией. Марина даже советовала мужу избавиться от неудачной покупки, но тот и слышать не хотел. Ему нравилось новое дело. Андрей носился с этой типографией, как с «писаной торбой»: обновлял технику, находил новых заказчиков. И только, когда широкоформатная полноцветная печать заработала, как ей положено, Марина смогла со спокойной душой отправиться в преддоговой отпуск.

И как будто вслед за ней, из типографии начали уходить люди: дизайнеры, печатники, даже вахтеры. Трех переманило издательство «Катрен», в начале зимы расширившее свой печатный цех. Вряд ли директор «Катрен» Трахтенберг сделал это из мести, хотя Марина с Андреем и взяли к себе Ирину Савельеву именно из «Катрена». Но Марина полагала, что он и не заметил, что она перешла работать в журнал «Кредо». По большому счету, Трахтенберг сам виноват, что не нашел журналистке с университетским образованием более достойного применения, чем подшивать бумажки, да быть «старшим помощником младшего бухгалтера».

Скорее всего, конкуренты захотели отбить у них выгодных заказчиков. Случилось это в самый неподходящий для них момент, когда заказов для типографии набрали «выше крыши». Типографию лихорадило, генеральный директор издательства с ног сбился, отыскивая новых работников, он готов был сам встать к принтеру, и встал бы, если бы умел работать печатником.

Нет безвыходных ситуаций, и нет незаменимых людей. И Марина с Андреем с трудом, но выкрутились. Через агентство практически сразу нашли одного подходящего печатника с опытом работы. Быстро найти второго – не получилось. Но один из печатников, Алексей, согласился работать две смены, пока не подберут новые кадры. Неожиданно помогла Галина Леонидовна. Она предложила попробовать своего внука Максима в качестве любого работника типографии, «так как у парнишки руки из головы растут». Максиму она напомнила, что сестрички Белых ей помогали после инсульта никак не меньше, чем родная дочь, его мама. И если он хоть что-то сделает для этой семьи, то очень порадует свою бабушку. Максимка работать на компьютере выучился раньше, чем ходить. Расписание занятий позволяло уделить часть

времени работе. Максима поставили в помощь Алексею. Паренек хорошо знал компьютерную графику. Сначала он был «на подхвате», но очень быстро освоился на новой работе, и его утвердили печатником.

Последнюю вакансию закрыл один из вахтеров редакции, Павел Викторович. Он пришел в «Кредо» чуть позже, чем четверка друзей, и оказался первым работником, которого принимал Андрей. Мягкий, интеллигентного вида пенсионер, всегда аккуратно и чисто одетый, в галстуке, он ненавязчиво старался быть полезным, не чурался никакой работы. Теперь Павел Викторович сам подошел к Андрею и предложил поработать в типографии вахтером по совместительству. Вахтеры работали сутки через трое, так что его поставили в удобный для него график. Ему, наверное, было тяжело, но он не жаловался, с работой справлялся, и все благополучно забыли о проблеме дефицита кадров.

Вечером, едва Андрей переступил порог дома, Марина увидела, что он сильно расстроен. В таких случаях она всегда выполняла завет из русских народных сказок: «Ты меня сначала напои, накорми, в баньке выпари, а потом и расспрашивай». Андрей никак не мог начать разговор, отводил глаза, за ужином отказался от добавки. Чашечка кофе всегда его примиряла с неприятностями. Марина терпеливо выждала, пока Андрей не сделает несколько глотков, и спросила сама:

– Скажи, наконец, что случилось с типографии? «Катрен» переманил все три смены, включая Максима? Или нашу технику залило горячей водой из отопления? Я думаю, что в любом случае тебе не стоит так расстраиваться. Переживем и это.

– Марина, все, что ты сказала, это действительно пустяки. У нас в типографии сегодня утром убили человека.

– Убили?! Кого? Максима? – Марина услышала свой голос, звучащий откуда-то издалека. Внезапно стемнело...

– Марина, очнись! Прости, что я тебя напугал! – Андрей стоял на коленях на полу перед лежащей на диване Мариной и брызгал ей на лицо воду из стакана. Опыт частых обмороков жены во время беременности помог ему быстро привести ее в чувство.

– Кого убили? – еще слабым голосом спросила Марина.

– Да не Максима, не Максима! Убили Павла Викторовича, вахтера.

Федор Афанасьевич Ситников сидел за своим рабочим столом. День угасал. Вечер мягко проникал в комнату, сумерки обволакивали окно. Рабочий день давно закончился. Следователь наизусть изучил материалы дела об убийстве Штейгера Павла Викторовича, работавшего вахтером в типографии издательства «Кредо». Труп обнаружил кладовщик в понедельник утром. Убитый лежал в кладовой на полу перед дверью. Следственная бригада без труда определила картину преступления.

Вахтера убили в коридоре, ударив ломиком по голове. Этим ломиком сбивали лед с крыльца. Лом стоял в тамбуре, его несколько дней уже не убирали в подсобку. Погода в последние дни стояла снежная и теплая. Мокрый снег постоянно налипал на крыльцо. В воскресенье ночная смена закончила работу в шесть утра. В шесть пятнадцать они закрыли двери в зал, где стояли принтеры, расписались в журнале. Вахтер был на месте. Павел Викторович лично закрыл за ними входную дверь. Получалось, что вахтер кому-то сам открыл ему дверь, тогда он знал убийцу. Или убийца открыл дверь своими ключами, следов взлома на замке не обнаружено. Убийца ударил старика слева по голове. Закутав голову убитого курткой, которая висела рядом на вешалке, убийца волоком оттащил тело в кладовую. Полотенцем он оттер пятна крови на полу и кинул полотенце рядом с телом. В кладовую бросил и орудие убийства – лом. Затем ключами вахтера убийца запер кладовую и входную дверь. Отпечатков он не оставил. Убийство могло произойти с шести пятнадцати до семи утра, когда пришел сменщик. Вот собственно и все.

Федор Афанасьевич нутром чуял, что дело тянет на «висяк». А он ошибался редко. Сколько лет работает следователем, и почти ни разу не ошибся. Молодые парни подшучивали над его старомодностью. И имя-отчество и методы у него действительно были не самые современные. Но притихали молодцы, когда у него в очередной раз оказывался самый высокий процент раскрываемости по управлению. Ребята иногда просили поделиться своими секретами. А секрет у него был один: «Определи правильно причину, и найдешь, кто сделал».

Причина с ходу не просматривалась. Денег у вахтера не забрали, из типографии мятого листка бумаги не похитили. Жил вахтер в пригороде с вдовой сестрой и ее детьми. Своей семьи у него не имелось, друзей-приятелей тоже. Криминального прошлого не имел. Была небольшая зацепка. Накануне убитый на три часа позже вышел на работу. Он попросил подержать вместо себя своего сменщика, который проживал неподалеку. Сменщика допрашивали раз десять. Более бестолкового свидетеля Федор Афанасьевич не встречал. Удалось выяснить, что Павел Викторович был чем-то расстроен. Непонятно, зачем сменщик пришел в то утро на час раньше? Придется копать глубоко, копать долго. Быстро вряд ли получится.

Дело в том, что типография, в которой произошло убийство, принадлежала сыну самого Виктора Александровича Краснова. Краснов был фигурой более чем заметной: олигарх и политик, его имя не сходило как с глянцевого страниц дорогих изданий, так и с желтых страниц самых скандальных журналов и газет. Одно время он даже баллотировался в Государственную Думу, но снял свою кандидатуру до выборов.

Олигархов Федор Афанасьевич не любил, но к Краснову у него было особое отношение. Несколько лет назад судьба столкнула их в одном неприятном деле. Федор Афанасьевич был поражен порядочностью Краснова, по его мнению, не свойственной олигархам. Позитивное начало укрепилось, когда Краснов помог племяннику Федора Афанасьевича, помог просто так, парню, пришедшему к нему за помощью «с улицы». Племянник стал инвалидом, воюя в Чечне, он потерял ногу. Ему нужна была операция, чтобы поставить особый немецкий протез, стоивший баснословно дорого. Друзья посоветовали парню обратиться в благотворительный фонд, организованный Красновым. Случай был непростой, были потеряны нужные бумаги для оформления инвалидности и льгот. Сам Краснов лично побеседовал с парнем. Не прошло и месяца, как были оформлены все документы, без волокитства и бесконечных, выматывающих душу хождений по инстанциям. Парню сделали дорогую операцию и лично для него изготовили в Германии тот самый протез за двадцать тысяч долларов. При этом их семья не затратила ни копейки. Племянник ходит не хуже любого здорового, женился, сын у них растет, шустрый такой парнишка. Федор Афанасьевич проникся уважением к Краснову. С тех пор они, не скажать, чтобы дружили, но частенько обращались друг к другу за советом и помощью. Поэтому и взял себе это дело Федор Афанасьевич: Краснов его племяннику помог, а он поможет сыну Краснова. Конечно, если Андрей Викторович – не преступник. Впрочем, как каждый человек, который мог войти в типографию в такое время, он тоже будет проверен.

«Я не помню, сколько времени прошло, с тех пор как я увидела это лицо в «Криминальных новостях». Он сумел доказать мне свою правоту, его смерть – последний, неоспоримый довод. Он меня буквально сразил. Я упала на диван и зарылась головой в подушку. Спрятаться бы мне от всего, что выкатывалось сейчас из прошлого на меня, заполняя душу черной тоской. Слезы текли по лицу, но я их не вытирала. «Бедный мой мальчик! Как же я виновата перед тобой! Если бы можно было вернуть прошлое, пусть только на миг, чтобы я могла попросить у тебя прощения!» Как же я буду жить дальше с этой болью в сердце! Я не знала, что мне делать. От безысходности я каталась по дивану, закусив зубами угол подушки, чтобы не выть и не кричать в голос.

Зло должно быть наказуемо. Моя первая, моя единственная, моя загубленная любовь должна быть отомщена. Я должна сама наказать негодяя, тогда моя вина простится. И я сделаю это! Я накажу, у таких преступлений не может быть срока давности!

Я перебирала в памяти всю свою жизнь. Я прожила ее в страхе полюбить и быть обманутой. Я строила ее на недоверии, неискренности, расчете. Я тщательно, по маленькому кирпичику складывала свою жизнь, отмечая малейшие отголоски прошлого, и теперь оказалось, что я строила дом на песке. Я сама создала себе пустыню одиночества и гордилась, что успешно выживаю в этом гадком мире. Смогу ли я измениться, перейти с темной стороны Луны на светлую? Моя душа была убита. За это тоже надо отомстить, и смерть мерзавца не будет легкой и быстрой».

Сегодня Марина ждала в гости Ульяну Сорокину. Этот день был назначен заранее. Ульяна часто работала по выходным перед выпуском очередного номера журнала, а потом брала отгулы. Марина собиралась пригласить Ульяну раньше, вместе с Игорем, но Андрей предупредил ее, что они опять поссорились.

Когда Марина пришла в газету Андрея, она приняла Ульяну за секретаршу, простоватую и недалекую. И внешне Ульянка тогда не понравилась Марине: толстая, некрасивая с полными щеками и выпуклыми серыми глазами. При второй встрече, Марина отметила ее яркий смелый стиль одежды. Просторный сарафан из батика с крупным рисунком на подоле придавал некоторую привлекательность. Познакомившись с ней поближе, Марина поняла, что Ульяна не только большая умница, поэтому работает системным администратором и дизайнером, но и легкоранимая и добрая. Ульянка слишком полная из-за неправильного обмена веществ. В детстве, похоже, ее часто дразнили и обижали из-за внешности, вот она и научилась прятаться за маской толстокожего существа, шутить самой на тему своей полноты, не давая это делать другим. Она тепло приняла Марину, без малейшей зависти к ее внешности и творческим достижениям. В редакции «Кредо» Ульяна стала Марине самой близкой подругой, а у нее, как выяснилось, других и не было.

Непростые отношения связывали Ульяну с Игорем. Уже три года они открыто жили друг с другом. Первые два года их отношения были такими прочными, что тянули на гражданский брак, хотя Ульяна при каждом удобном случае подчеркивала, что отношения эти временные, ни к чему не обязывающие. Тем не менее, когда Игорь в мае прошлого года вдруг закрутил роман, Ульяна ушла от него. Закрыла дверь – и не оглянулась. Эта легкость поразила Игоря в самое сердце. Он опять начал ее добиваться. Только осенью они помирились, но ненадолго. Через месяц разбежались снова. Новый год они провели вместе: Андрей пригласил Игоря, Марина – Ульяну. Встреча была радостной, ссора растаяла. Марина надеялась, что навсегда, но, как видно, ошиблась. И в настоящий момент Ульяна с Игорем находились в стадии не то окончательного разрыва, не то нового витка флирта.

Марина посмотрела на часы. Не стоит ложиться спать, вот-вот приедет Ульяна. Она принесет свежие новости о вчерашнем убийстве Павла Викторовича.

«Кому мог помешать этот милый безобидный человек? Почему его убили не где-нибудь, а прямо на рабочем месте? Не может же «Катрен» пойти на убийство невинного вахтера, для того чтобы доставить неприятности нам? Нет, это определенно не они, хотя, конечно, уже воспользовались ситуацией, чтобы навредить конкурентам. Андрей выяснил, что с их подачи эпизод об убийстве в типографии попал в выпуск передачи «Криминальная хроника». Но к самому убийству «Катрен» не причастен. По мнению Андрея, следователь считает, что убийца работает в типографии. Это очень неприятно, что все на подозрении. Хоть одно немного утешает: следователь – старый знакомый Виктора Александровича».

Марина по совету свекра однажды обращалась к Федору Афанасьевичу Ситникову и полнотой согласилась с характеристикой, которую дал ему Виктор Александрович. Следователь

– умный и знающий, ас своего дела. Он обязательно поможет им, если и не найдет убийцу, то хотя бы не схватит невинного.

«Как ни крути, а опять Краснов нас выручает». Андрей, рано стал самостоятельным, и теперь не хотел попадать в зависимость от сильного отца. Марина во всем поддерживала мужа. Но Краснов-старший был умным человеком. Он не давил на них, помощь оказывал ненавязчиво и обязательно в нужный момент. Дарил подарки, от которых они не могли отказаться. Раза два в месяц он устраивал большие обеды для семьи. Андрей привык ездить к отцу. Отец всегда беседовал с ним, как с равным. Краснов-старший был в курсе дел сына, и мог дать дельный совет. На обеды последние года два постоянно приглашались Ярославские под невинным предлогом, что Олег – партнер Краснова по бизнесу, а Маша – сестра Марины.

«Да уж, партнеры! Программистская контора Олега против всех дел Краснова выглядит, как щепка в океане. Ну да, пишет он программное обеспечение для его охранных систем, оказывает провайдерские и прочие компьютерные услуги, но в масштабах Краснова это просто мелочь».

Тем не менее, Олег Ярославский, в отличие от Андрея, легко контактировал с Красновым-старшим в бизнесе и по жизни. Глядя со стороны на сдержанность Андрея и энтузиазм Олега, можно было подумать, что именно Олег, а не Андрей, является сыном Виктора Александровича. Маша и Олег первые согласились переехать в коттедж, уже давно предлагавшийся Андрею по невероятно низкой цене. Это произошло после Нового года. Краснов специально пригласил их погостить на праздники не в свой дом, а в этот коттедж, уже перестроенный на две семьи, что бы они его хорошенько оценили. Расчет Краснова оказался правильным. Преимущества жизни в лесу и родственные чувства сестер привели обе семьи под эту крышу. Коттедж был такой просторный, что и половинки его получились немаленькие. Обе семьи свободно обходились первым этажом: холл-прихожая, жилая комната, кухня, сан-блок. Второй этаж стоял пустой, с самого Нового года там даже не включали отопление.

Ульяна, как всегда, была пунктуальна. Сегодня ночью подморозило, Уля оделась по-зимнему. Шубка у нее была искусственная, под мутон, модная в этом сезоне, а шапка – норковая, тоже модная: «боярочка» с длинными ушками. Ульяна придерживалась принципа, что нарядная модная одежда и уверенный вид компенсируют ее не совсем красивую внешность. Пройдя от остановки маршрутки полных тридцать минут, она раздумянулась, глаза ее блеснули. Она с улыбкой вошла в дом и внесла запах леса, снега и мандаринов. Марина всплеснула руками.

– Ой, зачем ты купила мандарины?

– Тебе же витамины нужны.

– Нельзя мне сейчас цитрусовые, у ребенка диатез будет, я же кормлю грудью. Раздевайся скорей, не замерзла? У нас холоднее, чем в городе.

– Нет, я шла быстро, и в лесу нет ветра. А уж воздух какой! Да, жалко, что я не знала про мандарины. «Хотели, как лучше, получилось, как всегда», – процитировала Ульянка крылатую фразу известного политика. – И долго еще кормить будешь?

– Минимум – до года.

– ??

– Да не пугайся так! – засмеялась Марина. – С месяца можно начинать прикорм, а к году ребенок ест почти все. Но мне сейчас даже удобно, что не надо беспокоиться о детском питании.

– Да, не надо париться со всякой кашей, сосками-бутылками. Ну, где твое сокровище?

– Сокровище ночь прогуляло, а теперь спит без задних ног. Скоро кушать пора, но он даже не шевелится.

– Можно посмотреть?

– Проходи и смотри. Он сейчас в комнате спит, а днем по два часа – на веранде в спальном мешке.

– Не боишься сглаза?

– Тебя не боюсь.

– Ну, спасибо на добром слове.

Ульянка тщательно вымыла руки и на цыпочках подошла к кровати. Она с умилением смотрела на спящего малыша. Марина обратила внимание, что Ульяна одета в свой любимый костюм: туника с юбкой, – который предназначался для больших праздников. «Это она ради встречи с нами так постаралась». Марине было жаль подругу: двадцать восемь лет, пора подумать о ребенке и семейном очаге. Но не получалось у нее родить ребенка, были проблемы со здоровьем. Только Марина знала, что Ульяна упорно лечилась от бесплодия. Но пока безрезультатно.

Ульянка также на цыпочках прошествовала в кухню. Марина усадила подругу за накрытый стол и включила кофеварку.

– Рассказывай, что там в типографии?

– Беда, Маринка. Старичок такой безобидный был! Семьдесят два года, но нисколько не дряхлый. Всем будильники старые починял. Ну, кому помешал? Я плачу, как его вспомню. Сколько раз, бывало, иду вечером домой – никакая от усталости, «мальчики кровавые в глазах». А он мне кофе с печеньем предложит. Посижу с ним минуток десять, кофейку выпью, и вроде легче стало. Поболтаем с ним о том, о сем, – и настроение поднялось. Недавно рассмешил, рассказал, что его в метро бабка за террориста приняла. Он сидел на лавочке на перроне, и у него большой старый механический будильник в сумке зазвенел. А она уставилась круглыми глазами: «Это что у вас звенит? Не похоже на сотовый». Он будильник поскорей вытащил, чтобы показать, успокоить. А она завизжала: «Бомба!» – и от него. Народ шарахнулся в стороны, а тут поезд подошел, и дверь напротив открылась. Павел Викторович догадался: будильник сунул обратно в сумку и свободно зашел в вагон. Пока до нашей станции доехал, уже столько версий наслушался: и про бабку с бомбой и про деда арабской национальности... Просто в голове не укладывается, что его убили.

– Да, мне он тоже нравился. Каждый новый номер от корки до корки прочитает и про мой материал что-нибудь приятное скажет. А похороны когда, завтра?

– Неизвестно. Пока тело в судмедэкспертизе.

– У него немецкая фамилия – Штейгер. Он что, немец?

– Да какой он немец! У него один дед или даже прадед был немец, фамилия от него досталась, а все остальные русские в семье.

– Ульяна, ты знаешь что-нибудь о его семье? Нам надо помочь с похоронами.

– Семьи у него как таковой не было. Жена умерла, а единственный сын давно погиб трагически. Это он мне рассказывал, когда мы с ним кофе пили. А жил он с сестрой в частном доме: он в одной половине, сестра с детьми – в другой. Все деньги практически на племянников тратил. Один из них музыкой занимается, а другой – спортом. Все занятия немалых денег требуют. Павел Викторович жил в Клину, каждый день мотался в Москву, да еще на двух работах. Сестре его понадобились деньги на операцию, он и решил подработать. Вот и подработал.

Ульянка беззвучно заплакала.

– Успокойся, Ульяна, слезами горю не поможешь. Чем реально можно помочь семье? Чем сестра больна? Сколько денег надо ей на операцию?

– Понятия не имею. Павел Викторович не говорил.

– Может быть, ты съездишь в Клин, поговоришь с его сестрой?

– Хорошо, я завтра же съезжу и все узнаю.

Проснулся Сашенька, и потребовал свое молоко. Ульяна с восторгом помогала Марине переодевать его, наблюдала за гимнастикой и кормлением. После попросила разрешения

поддержать его на руках. Сытый и довольный Сашенька не возражал, он спокойно таращил свои голубые глазки на новое лицо. Ульяна сияла улыбкой.

– Хочешь, сфотографирую? – у Марины аппарат всегда был под рукой.

– Давай! Я похожа на маму с ребенком?

– Нет.

– Почему? – Радость Ульянки слегка увяла.

– Очень у тебя вид напыщенный. Будь проще, – засмеялась Марина и сделала несколько снимков.

– А можно мне и Витю посмотреть? Маша дома?

Марина не особенно распространялась о проблемах сестры, но Ульяне рассказала все как есть. Почти одновременная беременность сестер Белых, которые были погодками, полгода служила неиссякаемой темой для шуток в семье. Мама называла это привычкой. «Коклюшем вместе болели, свинкой и ангинами, вот и забеременели обе сразу. Такие близкие сроки, что могут в один день родить». Маша проходила всю беременность хорошо, успешно закончила мединститут и даже устроилась на работу в детский неврологический центр. И выглядела прекрасно и чувствовала себя бодро, не сравнить с Мариной. А вот роды у Маши оказались очень тяжелыми, она долго не могла поправиться. Мама большую часть времени своего отпуска провела возле Маши, забегая ненадолго к Марине и сокрушаясь, что больше помочь ей не может. Ничего, Марина быстро приноворилась, трудно было только первые дни. Через две недели Маше стало лучше, а к концу маминого отпуска Ярославские переехали за город.

При осмотре невропатологом малышей, Сашу признали абсолютно здоровым, а у Вити нашли небольшую патологию, которую Елена Алексеевна и Маша уже давно заподозрили сами. Уколы, процедуры и массаж должны свести все отклонения к нулю еще до года. Пришлось Маше ездить в свой центр, только с Витей в качестве пациента. Два раза в неделю Олег отвозил их на массаж и физиолечение. Детский центр был совсем недалеко: напрямик по просеке летом можно дойти всего за двадцать минут. А по дороге на машине – те же двадцать минут.

– Час прошел, как уехали, через час вернутся. Дождешься их?

– Нет, поеду в редакцию. Завтра – в Клин, надо сегодня еще кое-что сделать.

Ульяна распрощалась и уехала.

«Надо спросить у мамы, что сказал профессор», – подумала Марина. Ульянка вела себя так, как будто твердо надеялась сама вскоре стать матерью. – «Дай-то Бог!»

Марина когда-то сумела вытянуть из обычно скрытной Ульяны главную проблему ее жизни и посоветовала ей поговорить со своей матерью. Елена Алексеевна сравнительно недавно стала окулистом, а раньше работала и взрослым, и детским врачом. Диагност она была поразительный. Только глянет – и сразу все скажет, а анализы потом только подтверждают ее слова.

Тогда, после знакомства с Еленой Алексеевной, Ульяна очень удивилась:

– Вы с матерью разговариваете, как две подружки.

– Конечно.

– И ты все-все можешь ей рассказать?

– Да. А у тебя разве не так?

– У меня – не так, – Ульяна немного погрузилась, но быстро взяла себя в руки. – Есть анекдот «в тему»:

В чем разница между русской и американской семьей?

Русские родители приходят к психиатру и просят:

– Помогите! Наш мальчик только-только окончил школу, а уже хочет уйти из дома.

Американские родители приходят к психиатру и просят:

– Помогите! Наш сын уже окончил школу, а уходить из дома не хочет.

Елена Алексеевна позже спросила Марину про Ульяну:

– Где ее родители? Они живы?

– Да, по крайней мере, мама – точно. Она живет в Москве. И не кто-нибудь, а вице-президент крупного акционерно-коммерческого банка. Ульяна – из очень обеспеченной семьи, ее младший брат учится в Англии. Но она совсем не избалована. Она стремится к самостоятельности, примерно, как мой Андрей. Она всего добивается сама. И живет отдельно, снимает жилье, чтобы не мешать личной жизни матери.

– А хорошо ли это? Мать даже не знает о ее проблемах.

– Ну, мама, Ульяна не подходит под определение «бедный заброшенный ребенок». Она – оптимистка, уверена в себе. У нее хорошая профессия, она прилично зарабатывает. Правда, квартиру пока не купила. Зато прикупила акций «Кредо» у разных мелких акционеров. У нас в этом году ожидаются хорошие дивиденды. Ульяна планирует взять ипотечный кредит. Скоро будет со своим жильем.

– Да, завидная будет невеста, если здоровье сможет поправить.

– Но шанс есть?

– Профессор скажет точно, но мне кажется, есть. Если бы все, что написано в карточке, было правдой, твоя подруга и жить без уколов не смогла бы. Отчасти это – типичная гипердиагностика для перестраховки, отчасти – запугивание пациента для выбивания денег на совершенно не нужное лечение.

– А ваш профессор – не такой?

– Нет, он старой школы, еще мне лекции читал в Первом медицинском.

Ульяна, поеживаясь от порывов ледяного ветра, шла по улице. «Вот, дурочка, вырядилась в тонкие колготки и шелковую юбку. Одеда бы брюки, не дрожала сейчас, как цуцик», – ругала себя Уля. Серый пасмурный день незаметно перетекал в серый вечер. Ульянка шла быстро, она решила сегодня еще успеть поработать, чтобы завтра с утра съездить в Клин. В редакцию возвращаться не хотелось, Игорь, наверняка, еще там. В последнее время ей тяжело встречаться с Игорем. Виду она, конечно, не показывает, а на душе на самом деле – кошки скребут. Сколько она любит Игоря? Лет пять, не меньше. Еще со времен их газеты «Москва и москвичи». Как она тогда страдала, поддерживая иронически-дружеский стиль их отношений, скрывая ото всех и от него свои чувства. Так продолжалось почти два года.

На свадьбе Марины и Андрея Ульяна неожиданно для себя поймала букет невесты. Игорь что-то сострил на эту тему, а она чуть не разрыдалась. Она очень хотела выйти замуж, и обязательно – за Игоря. Но держала свои мечты при себе. Если бы не эта наглая девица Бронислава – дай Бог ей доброго здоровья и семейного счастья, – Игорь не кинулся бы к Ульяне, как в тихую гавань от бури. Они стали встречаться на ее съемной квартире, которая была ближе к метро «Новослободская», к офису редакции. Ульяна с трудом сдерживалась, чтобы не петь от счастья, когда они вечером уходили вместе с работы и вместе приезжали утром. «Мой Игорь! Игорь – мой!» – хотелось ей кричать каждому встречному. Но она принимала невозмутимый вид, тем более, что их встречи тогда носили случайных характер. Ульяна не давила на любимого, не пыталась хозяйничать в его однокомнатной квартире, когда он привозил ее туда. Мимолетом она упомянула, что осенью ей придется искать новую квартиру. Но Игорь не предложил переехать к нему.

Прошло лето. В сентябре по случаю дня рождения Олега Ярославского все поехали на шашлык на дачу родителей Маши и Маринки. Пошел дождь, пришлось сидеть в домике. Ульянка помнит до сих пор, как Игорь тогда перебрал спиртного. Она вывела его проветриться. Игорь встал на колени в мокрую траву и заплетающимся языком признался ей в любви, а потом попросил переехать к нему.

– А почему ты меня просишь? – Ульянка с замиранием сердца ждала, что дальше Игорь сделает ей предложение стать его женой.

– А потому, что тебя с квартиры выгоняют, сама говорила, – на этом он упал в траву и отрубился.

Парни затащили его в дом, уложили спать. Он пропустил все посиделки с гитарой, хотя обычно подпевал Андрею вторым голосом.

Утром Игорь не вспоминал о своем предложении. Но Ульянка собрала чемодан и пришла к нему. Он удивленно поднял брови, увидев ее на пороге своей квартиры с вещами, но не выгнал ее и даже дал второй ключ. Ульянке было тогда очень страшно, но она сделала вид, что ничего особенного в этом нет. Подумаешь, стали жить вместе. Не уживемся, кто нам мешает разбежаться?

Но они ужились. Скоро оба не представляли, как могли обходиться друг без друга. Игорь привык к ее некрасивой внешности. Некрасивость с лихвой компенсировал добрый и веселый нрав Ульянки. Игорю было с ней легко и интересно. Неиссякаемый оптимизм и природная женская изобретательность помогали ей одним мизинцем разрешать все жизненные проблемы. Он и теперь не предлагал оформить их отношения. Скорее всего, ему это в голову не приходило. Зачем что-то менять в своей жизни, когда и так хорошо? А ей гордость не позволяла первой заговорить на эту тему. И было еще одно обстоятельство, которое камнем висело у нее на душе: Ульяна не могла иметь детей.

Ребенок был мечтой всей ее жизни. Она отдала бы все, что имела, даже Игоря, только бы стать матерью. Тайком от всех она ходила в известную клинику. Врачи ее не обнадеживали, но она хваталась то за одно, то за другое лечение. Большую половину своей зарплаты Ульяна просаживала на новомодные лекарства и процедуры. Игорь думал, что Ульяна предохраняется, а лечится исключительно от полноты. Она и правда похудела: ей помог вечерний антракт, отказ от сладкого и регулярный секс. Она острила: «Теперь на моем лице глаза стали заметнее щек».

Ульянка жила надеждой, что ей вот-вот поможет то один метод, то другой. Тогда и надо подводить Игоря к браку, чтобы у ребенка была нормальная семья. Но судьба приготовила ей новый удар.

Это случилось после двух лет совместной жизни с Игорем, в мае, накануне отпуска. Какие у нее были планы отдыха вдвоем! Она заранее скачала из Инета и распечатала информацию о всевозможных турпоездках, собираясь предложить Игорю любой вариант: от охотничьего домика в Уральских горах, до пятизвездочного отеля на морском берегу.

На вечеринку к Шведову Ульяна идти не хотела. С тех пор, как Боб Шведов вернулся из США, Ульяна чувствовала, что Игорь переменялся к ней. Сокурсник Игоря и Андрея Боб был по внешности – киногоерой, а по убеждениям – воинствующий холостяк. Вернувшись в Москву, Шведов не спешил устраиваться на работу.

«Надоело в Штатах спину горбить. Платят хорошо, но выжимают все, что могут. Даже форма одежды регламентирована. Я раз пришел подряд два дня в голубой рубашке, а меня менеджер вызвал и разнос учинил.

– Почему Вы не сменили рубашку? Наша фирма Вам достаточно платит, чтобы могли иметь больше одной рубашки.

– Я сменил, у меня две одинаковых.

– Извольте тогда носить их не подряд, а в очередь с рубашками другого цвета. А то наши клиенты плохо подумают о нашей фирме.

Одна радость – пятница, начало уик-энда. В пятницу можно было приходиться в джинсах и без галстука, все прямо оттягивались, чувствовали себя такими отвязанными».

Плохо было не то, что Шведов весело проводил время. Он явно не принимал Ульяну в качестве подруги Игоря всерьез, часто зазывал его на всякие пикники и вечеринки, как правило, – с преобладанием женского пола. Ульяне было неуютно среди высоких и длинноногих

красавиц с осиными талиями, к тому же Игорь частенько крепко напивался. Последний раз он так болел, что не вышел на работу. Тут его взял в оборот Андрей. Игорь обещал, что больше к Шведову ходить не будет. Но в тот раз оказался день рождения, он уговорил Ульяну зайти всего на пять минут, поздравить именинника и отдать подарок. И надо же было такому случиться, что Игорю на глаза попала Олеся. Ульянка сразу ее раскусила. Она видела, как оценивающе та взглянула и ее спутника. В глазах мелькнул хищный огонек. Олеся несколько раз продефилировала мимо них, чтобы показать свою привлекательность. Показывать было чего. Яркая брюнетка в облегающем платье с вырезом ниже некуда, томно покачивая бедрами, вертелась перед глазами Игоря и Ульяны. Призывный взгляд, брошенный из-под черных загнутых ресниц, не мог любого мужика оставить равнодушным. Не устоял и Игорь. Он, распустив слюни, побежал за красивой самкой. Ульяна, не устраивая сцен, незаметно ушла домой, еще надеясь, что Игорь ограничится «танцами-обжиманцами».

Три дня он не появлялся дома. Ульянка не плакала. Она сидела на диване, не раздеваясь, и ждала. Когда он, помятый, воняющий приторными чужими духами, заявился, пряча глаза, Ульянка собрала чемодан и ушла из его дома. Игорь ее не останавливал. Идти ей было особо некуда, а ехать отдыхать уже никуда не хотелось. Их общие деньги она честно поделила пополам. Она прикинула, что сможет снять комнату, а пока поживет у матери.

Мать, очень кстати, была в отъезде. Когда Ульяна позвонила матери на сотовый, та сказала, что находится на Кипре. Международный тариф вынуждал быть краткой. Уля без объяснений попросила разрешения пожить у матери несколько дней. Мать почему-то даже обрадовалась ее звонку. Они обменялись ничего не значащими общими фразами, мать ни о чем не спросила. Она предупредила охрану, недели две можно было не беспокоиться о жилье, а там снять новую квартиру. Жить с матерью под одной крышей Уля не собиралась.

Через месяц Игорь начал делать шаги к примирению. Ульяна не хотела его прощать, она держалась почти полгода. Но совпало три фактора: с квартиры попросили, а мама была в городе, и надо было проверить эффективность очередного лечения. Она снова приехала к Игорю, навела порядок, стала вкусно готовить. Только все время ждала подвоха. «Ничего, – уговаривала она себя, – я теперь ученая, обольщаться не собираюсь. Вот забеременею, а там – пусть хоть со всей Москвой спит». Увы, беременность не наступала. А Игорь успокоился и опять начал смотреть на сторону. В этот раз он «задержался на работе», а сам пришел «подшофе» и со следами помады. И опять это больно задело Ульяну, хотя она с независимым видом снова ушла от Игоря. Ушла, чтобы вернуться в январе.

На праздновании Нового года они красиво помирились, это Марина постаралась. Марине до родов меньше месяца оставалось. Они с Андреем были за городом у свекра. Но Марина не забыла о подруге. Она организовала праздник в новом коттедже, на который пригласила Ульяну. Ульяна приехала – а Игорь уже там. Само собой получилось, что они с Игорем заняли одну комнату, как бывало раньше, а не разошлись по разным. И все было как раньше. Игорь, нежный и заботливый был с ней. Растаяла обида, как льдинка от жаркого огня. После праздника они, само собой, вернулись в квартиру Игоря. Все стало, как прежде. Почти месяц они прожили вместе. А потом Ульяна услышала, как торопливо Игорь разговаривал по телефону, видимо с какой-то своей пассией. Он оправдывался, что сейчас он не один, и все такое прочее. Ульяна, долго не раздумывая, опять ушла от него.

Ей хватило бы гордости порвать с ним раз и навсегда, но была одна веская причина: Ульяна хотела ребенка. Ради него она дважды возвращалась к Игорю. Марине, которая очень удивлялась, что они то ссорятся, то мирятся, она сказала прямо:

– Как мне проверить эффективность лечения без полового контакта? Что мне, ловить случайного мужика или идти на искусственное оплодотворение? Конечно, я хотела бы помириться с Игорем, но не прежде, чем он навсегда завяжет со своими похождениями. Первый раз я думала, что полгода – срок достаточный, он все осознал. А он, оказывается, только перерыв

себе устроил. Да, я его люблю, но себя уважаю, и ноги он об меня вытирать не будет. Если он это поймет и примет, мы будем вместе, если нет – нет. Хотя как альтернатива искусственному осеменению, он мне больше нравится. Надо только успокоиться и не рвать себе душу каждым его заходом. Пусть пока думает, что мне это фиолетово: спарились – и разбежались. Но если профессор твоей мамы мне не поможет – буду лучше онанизмом заниматься, чем снова лягу с мужиком.

Всемирно известный профессор, светило медицины, к которому записала Ульяну Елена Алексеевна, раз в месяц вел прием в центре «Здоровье семьи». Он выслушал Ульянку, внимательно изучил пачку бумаг и бумажек, что скопились у нее за три года «хождения по мукам». А потом назначил свое лечение. Ульянка боялась взглянуть, но профессор считал, что ее мечта вполне может осуществиться, надо только немного терпения. А терпеть Ульянка могла.

Пора уже опять мириться с Игорем, в третий раз. Этот лицемер подкатывался с извинениями, мол, она неправильно его телефонный разговор поняла. Врет, но придется сделать вид, что простила. Но сегодня, после посещения коттеджа, настоящего семейного гнездышка Марины с Андреем, обида кипела в груди, и Ульяне невыносимо было даже видеть Игоря. Стоит ли так мучиться, может лучше смириться с одиночеством и жить одной? Лечение до сих пор не помогло, профессора тоже ошибаются. К большому облегчению Ульяны, Игорь отбыл в налоговую, и остаток дня она проработала без лишнего напряжения.

Проводив Ульяну, Марина решила, что сегодня никаких событий больше не будет, но вдруг позвонила тетя Катя из Новосибирска. Голос ее звучал громко и отчетливо, как из соседней комнаты. Задав обычные вопросы о здоровье Марины, ребенка и других родственников, тетя Катя умоляющим тоном попросила:

– Марина! Не могла бы ты приехать к нам в гости? В эту субботу будем отмечать мой юбилей – сорок пять лет.

Марина даже онемела от такой просьбы.

Тетя Катя продолжала уговаривать:

– Приезжай дня на два или на три, как сможешь, погости у нас. Морозы кончились, не бойся, у нас сейчас погода почти как в Москве. А мы тебя прямо в аэропорту встретим на машине. Я буду в отпуске, помогу с ребенком. Так что, приедешь?

– Я не знаю, я не планировала никуда ездить, Сашенька еще такой маленький.

– Да, я знаю: месяц и неделя всего. Но Вася тоже дома будет. А он так хорошо умеет нянчиться, ты непременно оценишь.

Голос у тети Кати, как всегда, был бодрый, но Марина почувствовала тревогу.

– Что-то случилось?

Тетя Катя помолчала, а затем осторожно сказала:

– Лучше бы ты приехала. Попробуй, может, выберешься к нам?

– Хорошо, я подумаю, с Андреем поговорю.

– Вот и ладно. Конечно, посоветуйся с мужем. А насчет нас не сомневайся, все сделаем, чтобы ты у нас не устала, а отдохнула.

– Я позвоню Вам.

– Звони, Мариночка, в любое время дня и ночи звони. Мы с Васей будем ждать, – тетя Катя запнулась, и продолжила. – Марина, только ты не говори, пожалуйста, Пете, что мы тебя позвали. Пусть думает, что ты сама захотела к нам съездить, чтобы погостить и проветриться.

Марина заходила кругами по комнате. Что же могло приключиться у тети Кати? Как можно приглашать ее в гости из Москвы в Новосибирск с таким малышом? И еще она просит не говорить своему сыну Пете. Значит, случилось нечто серьезное. «Кто-то чем-то смертельно болен? Дядя Вася? Соня? Мишутка? Петя замешан в коррупции? Да что же у них там творится?!»

Тетя Катя доводилась Марине и Маше троюродной теткой. Папина мама Анна Петровна и Катина мама Таисия Тимофеевна были двоюродными сестрами. Они дружили с детства, живя в маленькой деревне Толмачево вблизи Новосибирска. С давних пор семья Белых поддерживала родственные отношения с семьей Кати, чему очень поспособствовали три поездки Марины в Новосибирск. Поначалу мужа Марины и Маши подшучивали на тему своего родства с семьей Кривошековых из Новосибирска. Кем же им приводится сын троюродной тети жены – Петя? А жена Пети, Соня? А его сын, Мишутка? Но, побывав в гостях у Кривошековых в Новосибирске, Андрей и Олег забыли о своих каверзных вопросах. Гостеприимство Кривошековых, с пирогами, душевными беседами, застольными песнями, искренней радостью от приезда гостей – все это задвинуло в дальний угол размышления о степени родства. И Андрей, и Олег – оба признали Кривошековых родней.

Катя несколько лет зазывала в гости в каждом письме Николая Николаевича и Елену Алексеевну, пока они не выбрались в прошлом году на праздник, посвященный юбилею школы и открытию мемориальной доски в честь ее первого директора, Анны Петровны Белых. Марина помнит, сколько было впечатлений. Папа ругался, что новые «высотки» совершенно испортили самобытный архитектурный ансамбль Новосибирска, каким он его помнил. Николай Николаевич умилялся каждому сохранившемуся старому зданию и снимался на его фоне, а возле родного здания бывшего Сибстрин снялся не менее десяти раз. А мама восхищалась Мишуткой и завидовала тете Кате, что та уже стала бабушкой. На прощанье с москвичей взяли обещание приезжать в гости хоть в три года раз.

И сибиряков всегда встречали в Москве по-родственному. Правда, в Москву пока приезжали только молодые Кривошековы: Петя и его жена Соня. Тетя Катя, как говаривала она сама, была тяжела на подъем. А дядя Вася работал машинистом электровоза, водил грузовые составы на Восток, и его в дорогу сдвинуть было и вовсе невозможно. Зато Петя несколько раз по делам заезжал в столицу, он работал в прокуратуре, в следственной бригаде.

Марина сначала подумала, что путешествовать с полуторамесячным ребенком невозможно. Потом начала сомневаться. А может, ничего тут страшного: три часа лета, почти как в Коломну съездить. К тому же, ее обещают и встретить, и проводить, и понынчиться. В голове непрерывно крутилась фраза тети Кати: «Не говори Пете». Значит, у Петра какие-то неприятности, и не просто неприятности, а нечто, требующее беседы с тетей Катей с глазу на глаз, какое-то тонкое и деликатное дело. Причем дело это, во-первых, очень серьезное, иначе бы тетя Катя не попросила сейчас о помощи, а во-вторых, не опасное для Марины. «Для погони по крышам и перестрелки я сейчас не подхожу», – усмехнулась Марина. Когда приехал Андрей, она уже составляла на ноутбуке список, что надо взять с собой в дорогу для себя и для Сашеньки, какие купить подарки и сувениры.

Андрей начал с того же: «Это невозможно – путешествовать одной с таким ребенком». Марина улыбнулась и начала излагать мужу свои доводы.

Марина прилетела в Новосибирск в субботу утром. В аэропорту ее встречал не дядя Вася, а отец Сони – Гриша, как его отчество Марина никак не могла вспомнить. Она и в лицо бы его не узнала, если бы с ним не приехала Соня. Снега в Сибири оказалось неожиданно много, нигде ни одной проталины, огород Кривошековых лежал весь в сугробах, а крыша дома была похожа на шляпку гигантского гриба. Дома она почти сразу угодила за стол, так как настало время обеда. Рядом с ней посадили Мишутку. Марина с удивлением обнаружила, что троюродному племяннику уже три с половиной года, и он стал очень разговорчивый. «Только разговор этот не слишком разговорчивый. Как это Соня разбирает его детский лепет?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.